

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2020.4.26.3

УДК 378.147:331.101.5 | ББК 60.55-4

© Филипповская Т.В.

БЕЗРАЗМЕРНОЕ РАСШИРЕНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ: КОМУ ВЫГОДНА СПЕШКА?

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ФИЛИППОВСКАЯ

Уральский государственный экономический университет

Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45

E-mail: ftatyana@mail.ru

ORCID: [0000-0001-8280-2063](https://orcid.org/0000-0001-8280-2063); ResearcherID: [AAV-3924-2020](https://orcid.org/AAV-3924-2020)

Ускорение применения дистанционных форм образования на всех уровнях системы, инициированное противоэпидемиологическими мероприятиями 2020 года, вызвало противоречивый отклик в академической среде. Одни исследователи прогнозируют институционализацию трансформации высшего образования до уровня массовых онлайн-университетов, пропагандируют экономические выгоды от уменьшения контактной работы преподавателей. Другие пытаются выяснить пределы допустимости исключения из функционала системы общения «лицом к лицу» между педагогами и обучаемыми. Дискуссии, не всегда подкрепленные данными актуальных социологических работ, усиливаются, поэтому нуждаются в последовательном осмыслении. Цель автора статьи – описать негативные эффекты от реализации установок на расширение онлайн-формата учебного взаимодействия и предложить варианты минимизации негативных экстерналий. Из материалов и методов ведущим избран метод обзора литературы из баз данных Scopus, Web of Science, РИНЦ и других. Для применения методологии анализа, синтеза использован сравнительный контент-анализ публикаций в российской и зарубежной специализирующейся на вопросах академических прав и свобод периодике. Обсуждение представленной темы выступает продолжением авторских исследований разных проявлений конфликта интересов в образовании. Результат анализа позволил сделать ряд предположений, основным среди которых стал тезис о том, что поспешность с масштабированием обретенного в период пандемии-2020 опыта цифровизации образования нанесет социальному институту непоправимую социокультурную травму. На перспективу автор расширит базу исследования, обосновывая индивидуальный подход к оценке сущности моральной экономики и ее аморальных проявлений в академической среде.

Цифровизация образования, онлайн-формат обучения, офлайн-формат обучения, массовизация университетского образования, проблемы дистанционного обучения.

Введение

Обзоры актуальной практики, заключающейся в цифровизации социальных институтов, позволяют условно разделить аналитиков на две большие группы: к первой могут быть отнесены те, кто приветствует широкомасштабное расширение дистанционного образования и артикулирует экономические выгоды от этого процесса; ко второй – те, кто пытается обозначить пределы институционализации социокультурной трансформации образовательной системы, направленной на резкое ограничение контактного взаимодействия между преподавателями (ППС) и студентами. К сожалению, позиции и тех, и других на сегодня не подкреплены масштабными верифицируемыми данными социологических исследований.

Мероприятия по использованию возможностей ИТ-среды для сохранения связи между педагогами и обучающимися в период пандемических процессов и во время закрытия для массового посещения учебных аудиторий, с одной стороны, простимулировали расширение форм и методов образовательной деятельности, с другой стороны, резко обозначили имеющиеся противоречия и конфликты интересов субъектов одного из ведущих социальных институтов.

В связи с этим обретает актуальность задача, связанная с попыткой сопоставления позиций сторонников и противников безграничного расширения онлайн-образования.

Методология

Цель нашей работы – продолжение исследований по проблематике конфликта интересов в ракурсе прав и свобод академического сообщества на творческий труд и эффективную деятельность по подготовке национального креативного профессионального ядра [1]. В качестве актуальной аргументации выступают выводы М.П. Карпенко, В.Н. Фокиной, М.Е. Широковой и др. авторов, рассматривающих инновационное направление в педагогике – эдукологию – как науку о массовом высшем образовании, основанном на замене традиционных форм

и методов работы с обучаемыми безразмерным расширением дистанта [2]. Используются наработки аналитиков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) А.В. Клягина, Е.С. Абалмасовой, К.В. Гарева, И.Д. Фрумина и др. [3], исследовавших готовность систем высшего образования к массовизации деятельности в условиях удаленного доступа.

Опорой в оценке зарубежных практик стали рассуждения, интервью ученых и практиков, обобщенные методом оперативного контент-анализа публикаций с известных сайтов:

<https://www.timeshighereducation.com> – Times Higher Education;

<https://www.universityworldnews.com> – University World News

и из научных источников, найденных в базах данных Scopus, Web of Science, РИНЦ и т. д.

Авторская позиция подтверждалась данными социологических исследований, оперативно проведенных национальными и зарубежными аналитиками.

Результаты и обсуждение

Эксперты всех сфер жизнедеятельности человечества активно представляют прогнозы, описывая, что же произойдет с миром, который не может не измениться после пандемических потрясений 2020 года. Теоретики и практики Всемирного экономического форума предлагают подготовиться к крупномасштабной борьбе с изобилием, подразумевая под этим пересмотр сценариев образа жизни, направленных на стимулирование потребления со стороны экономических систем, «безжалостно эксплуатирующих природу и человека» [4]. Звучит призыв к исследователям: обратить внимание на инновации в осмыслении сущности справедливости, равенства, маргинализации, качества жизни и права на нее. В связи с этим по-новому оценивается и работа академической/научной среды, лидеров национальных правительств и других значимых субъектов экономико-правового поля. Естественно, что формируются и прогнозы пер-

спектив трансформации образовательной деятельности.

П. Лутра (Poornima Luthra) и С. Маккензи (Sandy Mackenzie) называют четыре способа, с помощью которых образовательная система должна более активно перестраиваться, готовясь к взаимодействию с поколением Alpha (рожденные после 2010 года и вступающие в дошкольную и школьную жизнь) и, что очень значимо, – с предшествующим ему поколением Z (рожденные после 1995 года) [5]:

1) следует забыть об отдельных внутренних проблемах и действиях, так как мы все глобально взаимосвязаны. Это предполагает настройку на общие для всего мира ориентиры;

2) роль преподавателя повсеместно должна быть связана с задачей содействия развитию обучаемых, так как нужная информация достаточно быстро может быть получена ими из альтернативных IT-источников;

3) весь процесс обучения должен направляться на развитие навыков, необходимых для будущего, в котором адаптивность и устойчивость станут иметь решающее значение для трудовых ресурсов;

4) необходима «разблокировка» технологий в процессе преподавания.

Суть последнего утверждения состоит в том, что в 2020 году внедрение технологий в образовательный процесс было вынуждено активизировано через дистанционные формы. Такие инновации стали проявляться даже на уровне дошкольных учреждений. Но обретенный во время пандемии «опыт изоляции и дистанционного обучения вдали от сверстников, учителей и классных комнат станет осторожным напоминанием о значимости нашей человеческой потребности в социальном взаимодействии лицом к лицу» [5].

К числу относительных сторонников такой позиции можно отнести Н.И. Шестакову, достаточно аргументированно описывающую траектории трансформации образовательно-воспитательного сегмента социального пространства [6]. Особый интерес представляют попытки оценить

теоретико-методологические подходы к сущности понятия «дистанционное образование» Л.М. Сухаревой и А.Б. Кулаковой [7]. В рамках рассмотрения представленной в статье тематики можно предположить, что исследователи разделяют авторскую точку зрения на то, что дистанционное обучение должно грамотно применяться в образовательном процессе – дополнять его, но не заменять вербальные интеракции, составляющие сущность актуального педагогического общения.

В то же время призывы сторонников эдукологии звучат достаточно широко. Их странность – в нереальной оценке уровня готовности системы высшего образования страны к расширенному переходу на онлайн-обучение в условиях его массовизации.

Так, А.В. Клягин, Е.С. Абалмасова, К.В. Гарев, И.Д. Фрумин и др. констатируют, что «значительная доля вузов имеет слабую аппаратную инфраструктуру (40% вузов – по производительности каналов связи и 45% – по возможностям обработки и хранения данных)» [3, с. 87]. Это значит, что процедура массового доступа студентов и к внутриуниверситетским, и к внешним информационным ресурсам, например к «полноценным LMS-платформам и другим сложным системам в масштабах организаций» [3, с. 87], затруднена. Поскольку LMS-платформа (Learning Management System – система управления обучением) – не только хранилище учебных материалов: видеоуроков, лекций, презентаций, книг и курсов, но и источник информации об успешности обучаемых, почти половина национальной системы не готова к ускорению расширения дистанта. Так, «об использовании сервисов видеоконференций и вебинаров сообщили 85% вузов. Вместе с тем, проведенный анализ представленных ими данных показал, что примерно только 44% из них имеют решения, позволяющие массово (в масштабе всего вуза) организовать синхронное обучение в дистанционной форме» [3, с. 87]. Несмотря на то что 88% организаций отчитались о наличии у них LMS-платформ, только 45% (230 вузов) ре-

ально этими системами пользуются. Следовательно, остальным или предстоит обучаться работе со сложной ИТ-структурой, или признать свою неспособность к такой деятельности. Однако «за кадром» осталась информация о том, сколько же времени нужно 35% университетов для включения в инновационный формат и, главное, за счет каких ресурсов и источников финансирования? Кроме этого, исследователи выявили и отсутствие утвержденных регламентов промежуточной аттестации студентов, использовавших возможности MOOCs (Massive Open Online Courses), сотен онлайн-курсов, подготовленных в МГУ, ВШЭ, не говоря уже о внутренних учебных ресурсах большинства образовательных организаций.

На этом фоне оптимистичные прогнозы эдукологов выглядят несколько абстрактными. Приведем некоторые аргументы разработчиков инновации в теории педагогики.

1. «В настоящее время ИТ-технологии позволяют вернуться к более качественному, чем групповое, персонализированному обучению. Персонализированной должна быть, прежде всего, дидактика. Групповое обучение, имеющее до сих пор повсеместное распространение, игнорирует тот факт, что мозг каждого человека индивидуален (к примеру, как и дактилоскопия и все органы человека), а поэтому максимально эффективной может быть только персонализированная дидактика, дающая каждому человеку возможность адаптироваться в образовательной среде и выбрать персональные параметры учебного процесса (темп, число повторов и др.). Замена групповых методов обучения персональными является трудной задачей, но она решается с использованием современных ИТ-технологий и платформенных решений» [2, с. 418].

Этот тезис в целом не вызывает сомнения. Однако он вступает в противоречие с последующими постулатами разработчиков эдукологии: замена групповых методов обучения «безразмерной» индивидуализацией средствами ИТ-технологий как раз исключает возможность использовать наиболее значимые позитивные характеристики груп-

пового/коллективного обучения. Назовем некоторые из них. Это соревновательность, развитие умения слушать и слышать аргументы других и в процессе общения осваивать разные командные роли, что является одной из наиболее значимых технологий для корректировки поведенческих характеристик в любой среде (сегодня ты – «адвокат дьявола», завтра – консультант, послезавтра – капитан команды: «учись перестраивать свои социокультурные и психологические амбиции под сегодняшнюю роль»).

2. «Воспитание обучающихся до настоящего времени ведется, как правило, декларативно и, в основном, вербальными средствами. Но в педагогике установлено, что воспитание и фаза социализации молодого человека являются действенными не в вербальной, а именно в деятельностной форме... Поэтому социализация обучаемого должна осуществляться через коллегиальную учебную деятельность. Ассесмент и другие методы коллегиального обучения известны давно, но к настоящему времени в большинстве учебных заведений применение этих методов так и не вышло из экспериментальной фазы... Коллегиальная учебная деятельность и установление на ее основе социально-психологических личностных характеристик, а также необходимых их коррекций, требует применения на практике методов обработки биг-дата и соответствующих платформенных решений. Не меньше информационных ресурсов требуется для налаживания и функционирования системы фидбеков, поощряющих и поддерживающих мотивацию обучаемых. В настоящее время задача эффективной деятельностной социализации обучающихся решается с применением ИТ-технологий» [2, с. 418–419].

Как видим, аргументация разработчиков эдукологии здесь также противоречива: воспитательный процесс представлен в виде давно отклоненного креативной педагогикой варианта «пионерского лагеря»: «не можешь – поможем, не хочешь – заставим, позорить отряд никому не дадим».

Воспитательный процесс гораздо многограннее и касается, согласно концепции

Н.Е. Щурковой «знаю – умею – люблю», целенаправленного, организованного профессионалом-педагогом восхождения личности «к культуре современного общества, как развитие способности жить в нем и сознательно строить свою жизнь, достойную Человека» [8].

С авторской точки зрения, именно эта концепция сегодня в наибольшей степени сочетается с востребованностью адаптивности и устойчивости от граждан любого общества, которые должны стать ведущими поведенческими характеристиками у поколений Z и Alpha. Правомерность обращения к такой трактовке смысла воспитания из множества существующих сегодня вариантов подтверждает тезис Н.Е. Щурковой о том, что индивидуальная траектория «восхождения» личности к культуре основывается на личном участии в трех взаимосвязанных процессах:

- освоения как накопления знаний о человеке и окружающем его мире;
- усвоения как овладения личностью набором культурных умений и навыков, необходимых для жизни в современном обществе;
- присвоения как интериоризации ценностей человеческой культуры» [8].

В то же время перспектива использовать возможности IT-технологий для выявления социально-психологических установок обучаемых действительно востребована. Однако не ясно, кто будет реализовывать такие задачи в студенческой или школьной группах, на каких условиях и, главное, с помощью каких ресурсов.

Вызывает сомнение и перспектива корректировки мотивационных установок обучаемых средствами «системы фидбеков». Как известно, feedback¹ – обратная связь, которая «дает возможность подчиненному получить более четкое представление о своей роли, результатах и возможностях. Это делает ситуацию на работе более прозрачной и предсказуемой, создавая стабильность даже в обстановке сложной и напряженной рабо-

ты, формирует его лояльность к компании и руководителю» [9]. В то же время поощрять, поддерживать человека исследователи feedback предлагают публично – в условиях коллегиальности, так как именно публичная похвала чаще всего исполняет роль наиболее действенного стимулятора мотивации к успешной деятельности и на производстве, и в учебной аудитории. Таким образом, декларация эдукологов об индивидуализации в условиях ущербной коллегиальности и примитивной оценки сущности воспитания весьма проблематична.

3. «Цифровизация образования, позволяющая перенести учебный процесс в виртуальное пространство (разумеется, с местной тьюторской поддержкой), снимает все ограничения по содержательному профилированию образования, по распределению образования на уровни и по количеству обучающихся. Университет, предназначенный для массового образования, может и должен предлагать потребителям все уровни, включая начальный, общий и полный средние, высший уровень и послевузовское образование, повышение квалификации и дополнительное образование. При этом он может и должен охватить все, имеющие спрос, образовательные профили, профессии и специальности. Применяющий современные технологии массовый университет не ограничен в количестве обучающихся на каждом образовательном уровне» [2, с. 149].

В представленном утверждении снова присутствует декларация ожидаемых «радужных» перспектив от массовизации университетов и предложения образовательных услуг. Естественно, возникают вопросы: кто будет предлагать такие широкомасштабные услуги? За счет каких ресурсов? На какой программно-содержательной основе, если у каждого вуза – свое содержание учебно-методических комплексов, а у каждого предприятия – свои «болевы точки»?

То есть массовизация ставится практически синонимом унификации, полного устранения права и преподавателя, и обра-

¹ Хромова А. 7 правил конструктивного фидбека. URL: <https://hr-tv.ru/articles/pravil-konstruktivnogo-fidbeka.html> (дата обращения 03.08.2020).

зовательной организации представлять различные варианты видения образовательных траекторий обучаемых. Нам дано весьма противоречивое и абстрактное описание того, как это сочетается с еще одной декларацией разработчиков нового направления в педагогике о расширении права обучаемого на выбор своего пути в «разноуровневом и разнопрофильном» унифицированном процессе.

Безусловно, сегодня доступны лекции, вебинары, мастер-классы выдающихся ученых и профессионалов в разных областях экономики, права, всего спектра социальных наук. Но здесь каждый свободен в выборе, а результативность знакомства с материалами переводится на внутренний уровень оценки эффективности полученной информации. Для внешней – тьюторской, педагогической оценки в такой ситуации места уже не остается, так как в большинстве вузов отсутствует регламент анализа уровня достижений обучаемых, использующих разные варианты организации учебного контента. Исключением является Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), где имеются регламенты включения в портфолио индивидуальных достижений выбора студента-магистранта систем:

- MOOCs (Massive Open Online Courses) (MOOK);

- Маголего (или «дисциплины по выбору из общеуниверситетского пула» – устоявшееся название общего набора дисциплин, обязательных для выбора студентами первого курса магистратуры всех образовательных программ);

- Майнор (дополнительный профиль) – учебный цикл из четырех дисциплин в рамках образовательных программ бакалавриата НИУ ВШЭ, представляющий дополнительную образовательную траекторию для обучающихся сверх подготовки по основному образовательному направлению. Относится к вариативной части ОП и реализуется как выбор обучающимися ряда дисциплин (либо связанных друг с другом содержательно, либо не связанных – в последнем случае это Свободный майнор);

- Мейджер (профессиональный блок, дисциплины которого формируют профессиональные компетенции студента).

По представленным вместе с MOOCs общим факультатавам студент/магистрант сам решает, какие факультативы он будет включать в свой индивидуальный учебный план, а какие – нет. Кредиты за эти дисциплины «набираются» сверх положенных 60 кредитов в год и предполагают полную ответственность студента за полученные оценки. В известных автору вузах Екатеринбурга такая регламентация отсутствует, а процесс выбора студентом (магистрантом) дисциплин строится по старому принципу «вы хотите, а мы можем», когда процедура выбора заменяется возможностями кафедр и факультетов (институтов).

Из сказанного следует, что даже на уровне точечного внедрения различных форм и вариантов выбора студентами/магистрантами индивидуальных образовательных траекторий в каждом вузе должны быть разработаны внутренние регламенты, а при использовании внешних для вуза источников – межуниверситетские соглашения о содержании применения чужих учебных контентов. В случае обращения к международным информационным источникам необходимы аналогичные нормативы. Более того, остаются вопросы и о системе оплаты услуг сторонних лекторов и инфраструктурных систем обеспечения межвузовских контактов, и о содержании занятий, согласовании их с действующими в каждом университете программами обучения по сути, почасовому и рейтинговому «весу» и т. д.

Как было указано выше, вынужденная активизация дистанционных интеракций выявила многие грани конфликта интересов субъектов образования на всех уровнях, прежде всего проблемы инфраструктурного обеспечения. Так, опрос 22600 учителей из 73 регионов страны показал, что до перехода на дистант 64% из числа опрошенных пользовались онлайн-платформами, после – 85%. 74% из числа тех, кто раньше никогда не пользовался онлайн-системами для работы с обучаемыми, освоили инно-

вационные формы, но только 47% собираются продолжить применять этот опыт². Данные подтверждены параллельными исследованиями в Лаборатории медиакоммуникаций в образовании НИУ ВШЭ [10].

Причины, как и в высшей школе, связаны с проблемами подключения обучаемых к видеотрансляциям, с техническими проблемами в работе платформ из-за перегрузки, с технологической неразвитостью системы информатизации, особенно в небольших городах и сельских поселениях. Например, в указанном выше отчете по исследованию только 8% учителей отметили, что у всех их учеников есть возможность заниматься «на удаленке».

Обратим внимание на значимый момент: личную перегрузку при инновационной форме работы отметили 84% учителей. Опрос 30000 вузовских преподавателей также позволил сделать ряд неутешительных выводов. Д. Рагозин обобщил угрозы, с которыми пока лица, принимающие решения, не начали реально бороться:

- снижение качества образования;
- формализация учебного процесса (бюрократизация, обезличение, шаблонность);
- низкий уровень успеваемости (фальсификация, недобросовестность, мошенничество, плагиат);
- отсутствие личного общения (эмоциональный «неконтакт», разобщенность);
- потеря работы (сокращение штата, стравок, сотрудников);
- слабая материальная база (нехватка онлайн-материалов, отсутствие технических возможностей);
- низкая кибербезопасность (незащищенность авторских прав, утечка личной информации);
- проблемы со здоровьем (ухудшение зрения, малая подвижность, перегруженность, «зомбирование» компьютером)³.

Представленная информация подтверждает сохранение негативных тенденций, выявленных ранее в процессе анализа вос-

приятия студентами и преподавателями дистанционного обучения [11].

Последний фактор риска занимает в исследовании Д. Рагозина далеко не последнее место. Перегрузка педагогов на любом уровне системы образования не регламентировалась и, естественно, не компенсировалась. Именно этот аспект является одним из серьезнейших, на которые мы неоднократно обращали внимание на конференциях и в публикациях различного уровня [12; 13]. Но в данном контексте дополнительно обратим внимание на отсутствие изменений и обоснованных регламентов нормирования труда педагогов всех уровней образования в условиях использования в принципе онлайн-ресурсов. Как правило, на подготовку качественной презентации к лекции и/или семинару, включающей все наиболее актуальные посылы, обработку национальных и зарубежных источников по теме занятия, уходит не менее 4–8 астрономических часов, в то время как действующая сегодня и весьма устаревшая нормативная база предполагает для вновь читаемых курсов время на подготовку в размере двух академических часов на час лекции, а на повторно читаемые дисциплины – один час на час. В условиях дистанта в 6–8 раз повышается время на проверку и рецензирование работ обучаемых, возрастает востребованность в индивидуальных консультациях.

По данным оперативного мониторинга соблюдения трудовых прав педагогических работников также отмечается, что при дистанционной работе объем трудовых усилий и рабочее время увеличиваются при отсутствии надлежащего нормирования этой деятельности [14]. Таким образом, один из ведущих негативных акцентов, влияющих на статусную позицию педагогических работников, не теряет своей актуальности ни в обычных, ни в экстремальных условиях [15].

Приведем пример, на который уже ссылались в совместной публикации с О.В. Румянцевой [16], отмечая усиление внима-

² Итоги опроса об отношении учителей к переходу на дистанционное обучение. URL: https://www.eseur.ru/Podvedeni_itogi_oprosa_ob_otnoshenii_uchiteley_k_perehodu_na_distancionnoe_obuchenie (дата обращения 03.08.2020).

³ Рагозин Д. Угрозы и возможности дистанционного образования: опрос преподавателей вузов. URL: <https://trv-science.ru/2020/06/29/ugrozy-i-vozmozhnosti-distancionnogo-obrazovaniya> (дата обращения 04.08.2020).

ния исследователей зарубежных практик к представленным здесь проблемам. Поводом послужили случаи самоубийств среди сотрудников высшей школы. Например, суицид М. Андерсона – лектора по бухгалтерскому учету Кардиффского университета: «48-летний отец троих детей перед этим несколько раз жаловался на распределение рабочей нагрузки, что требовало от него проверять 418 экзаменационных работ за 20 дней»⁴. Следует отметить, что исследования причин стресса среди работников университетов в практике профессиональных объединений зарубежных вузов ведутся системно [17]. Существенным отличием от российских практик по этому параметру, по обеспечивающим такой мониторинг организационным процедурам и структурам является и деятельностная реакция лиц, принимающих решения (ЛПР) в системе менеджмента академического сообщества.

Таким образом, информатизация учебного процесса до настоящего времени несет не только позитив, но и весьма значимый негатив.

Наряду с изложенным выше обратим внимание на несоответствие в принципе нагрузки преподавателей российской и зарубежной высшей школы. Речь идет не только о почасовом компоненте (напомним – в России это, как правило, 900 часов в учебный год на ставку, что несопоставимо с любым зарубежным вариантом, при котором недельная нагрузка чаще всего не превышает 4–5 часов). Важным рисковым моментом является несопоставимое ни внутри страны, ни в сравнении с зарубежными вариантами нормативное количество обучаемых, «закрепленных» за одним педагогом. Согласно известному Постановлению Правительства РФ от 17 марта 2015 года № 234 «О соотношениях численности работников профессорско-преподавательского состава и обучающихся образовательных организаций высшего образования» (с изменениями и дополнениями) лишь «избранные» вузы (без

учета творческих и спортивных вариантов) имеют право на индивидуализацию педагогически интеракций в учебном процессе: только в 17 университетах допущено соотношение численности ППС и обучающихся в очной форме обучения 1 к 4 или 5. Остальные оказываются в ситуации вынужденного приспособления к другому соотношению – 1 к 20 и более.

Несопоставимы с зарубежными статистическими контекстами и в целом данные о численности студентов: в зарубежных источниках и те, кого мы считаем очниками, и те, кто обучается дистантно, и аспиранты, постдоки чаще всего включены в общее количество студентов. В национальной традиции бухгалтерский подход (на заочника «полагается» практически в 4 раза меньшее финансирование, чем на «очника») доминирует. В то же время и дистант, и процессы индивидуализации учебной деятельности требуют изменения и соотнесения с общемировыми даже статистических контекстов.

Выводы

Подводя итог, обратимся к важным выводам зарубежных коллег. Согласно данным по результатам исследований Dell Technologies, 85% рабочих мест в 2030 году, в которые войдут поколения Z и Alpha, «еще не изобретены» [18], а по отчету Всемирного экономического форума [19], 65% детей, в настоящее время младшего школьного возраста, будут заняты на тех видах работ, которые еще не существуют. То есть современная система образования функционирует в условиях высокой неопределенности и инфраструктурной рассогласованности. Это не снижает потребности педагогов прилагать максимум усилий для формирования адаптивности и устойчивости к перспективным изменениям рынка труда креативно мыслящих граждан.

Сказанное налагает высокую ответственность на всех, кто внедряет в действующую систему инновации: важен продуманный

⁴ Grove J. Union says 'intolerable' workloads driving rise in staff sickness. High stress levels revealed by Nottingham Trent staff survey have raised concerns over effect of growing demands on academics (04.02.2019). URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/union-says-intolerable-workloads-driving-rise-staff-sickness> (accessed 20.01.2020).

и обеспеченный регламентами неспешный процесс. Нужно разработать не только внутри-университетские, но и межвузовские, международные согласования в рамках содержательного контекста учебной деятельности, его удельного веса в общей нагрузке и обучаемых, и преподавателей. В национальной системе назрела необходимость актуализации нормативов нагрузки ППС, прежде всего по «ставочному» компоненту, по реализации каждой педагогической функции в новых условиях. Более того, фотохронометраж реальных временных затрат педагогов должен вестись не по избранным 17 вузам, где соотношение студент – преподаватель 1 к 4–5, а по реальным, где 20 и более обучаемых должны получать качественную подготовку. Необходимо и изменение – согласование с зарубежными аналогами – статистических подходов к оценке показателей, отражающих эффективность деятельности вузов, исключающей «бухгалтерский» подход.

Таким образом, новизна авторского подхода заключается не только в констатации обострившихся в академической среде проявлений конфликта интересов, но и в конкретизации механизма для сближения ре-

гламентов процедур нормирования труда педагогов, позволяющего сравнивать деятельность «сравнимых» субъектов различных рейтингов и мониторингов. В перспективе планируется продолжить исследование, расширяя его базу и обосновывая инновационный подход к оценке сущности моральной экономики и ее аморальных проявлений в академической среде.

Академическое сообщество может найти оптимальные сочетания инноваций и традиций. Вопрос, готовы ли к этому лица, принимающие решения в системе управления важнейшим социальным институтом, пока остается без ответа. Но, принимая во внимание представленное авторское видение одной из сторон ситуации расширяющегося конфликта интересов между субъектами образования, можно высказать предположение о том, что безмерная, ускоренная, непродуманная, не обеспеченная надлежащими организационными мерами цифровизация образования выгодна только любителям абстрактных рассуждений и тем, кто постоянно использует имеющийся административный ресурс для удовлетворения местных амбиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филипповская Т.В., Румянцева О.В. Считать оленя верблюдом: инновации в технологиях управления педагогическим процессом в вузах // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/89PDMN519.pdf>
2. Эдукология: монография / под ред. М.П. Карпенко. М.: Ассоциация электронного обучения (АЭО), 2020. С. 418.
3. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии / авт. кол.: А.В. Клягин [и др.]; НИУ ВШЭ, Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с.
4. Wiedmann T., Lenzen M., Keyßer L.T. [et al.]. Scientists' warning on affluence. *Nat. Commun.*, 2020, vol. 11. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41467-020-16941-y> (accessed 09.07.2020).
5. Luthra P., Mackenzie S. 4 ways COVID-19 could change how we educate future generations. *World Economic Forum*, 2020. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2020/03/4-ways-covid-19-education-future-generations> (accessed 09.07.2020).
6. Шестакова Н.Н. Об основных траекториях трансформации образовательно-воспитательного сегмента социального пространства // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 1. URL: <http://socialarea-journal.ru/issue/23> (дата обращения 03.08.2020).
7. Сухарева Л.М., Кулакова А.Б. Дистанционное образование: теоретико-методологический аспект // Социальное пространство. 2016. № 1 (03). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/1807> (дата обращения 01.08.2020).
8. Щуркова Н.Е. Профессиональное обеспечение ценностно-ориентированного воспитания // Сибир. пед. журн. 2007. № 4. С. 139–147.
9. Готсданкер А. Бизнес-психология: почему сотрудники всегда против изменений. Издательские решения, 2015. 136 с.

10. Милкус А. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей. М.: НИУ ВШЭ, 2020. Вып. 4 (29). 40 с. URL: <https://goo.su/2e6u> (дата обращения 01.08.2020).
11. Особенности восприятия дистанционного обучения студентами и преподавателями вуза / М.В. Клименских [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27421> (дата обращения 05.08.2020).
12. Филипповская Т.В. К вопросу о легализации неправовых практик в управлении образованием // Право и личность: история, теория, практика: сб. науч.-метод. работ кафедры права, экономики и методики их преподавания Института общественных наук УрГПУ / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2019. Вып. 11: Легализация теневых бизнес отношений в экономике мерами альтернативными уголовной ответственности. 1 CD-ROM. С. 186–192.
13. Филипповская Т.В. Авторское право, право на творчество и бесправие педагогов // Публичное/частное в современной цивилизации: мат-лы XXII рос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) / редкол.: Л.А. Закс [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2020. С. 284–288.
14. Анисимов А.Е. Отчет о результатах мониторинга соблюдения трудовых прав работников в условиях дистанционного режима работы и проведения других мероприятий по предотвращению распространения COVID-19 / Профсоюз работников народного образования и науки Российской Федерации. Координационный совет председателей первичных профсоюзных организаций работников вузов. М., 2020. 24 с.
15. Соловьева Т.С. Статус учителя в современном российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 1 (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.3
16. Филипповская Т.В., Румянцева О.В. О праве преподавателя на безопасную психологическую среду // Публичное/частное в современной цивилизации: мат-лы XXII рос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) / редкол.: Л.А. Закс [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2020. С. 289–294.
17. *Data from NTU Branch UCU workload survey, 2018*. Nottingham Trent University. London: Produced by University and College Union, 2019. 33 p. Available at: https://www.ucu.org.uk/media/10195/NTU-branch-workload-survey-2018/pdf/NTU-UCU-workload-survey_mar19.pdf (accessed 08.07.2020).
18. Magee J., Bishop C., Sankarambadi S. [et al.]. *Emerging technologies' impact on society & Work in 2030. The next era of Human-Machine Partnerships*. California, Palo Alto: Institute for the Future. 23 p. Available at: [SR1940_IFTFforDellTechnologies_Human-Machine_070517_readerhigh-res.pdf](https://www.instituteforthefuture.com/research/SR1940_IFTFforDellTechnologies_Human-Machine_070517_readerhigh-res.pdf) (accessed 08.07.2020).
19. Störmer E., Patscha C., Prendergast J., Daheim C., Rhisiart M., Glover P., Beck H. *The Future of Work Jobs and Skills in 2030. Evidence Report 84. February 2014*. London: UK Commission for Employment and Skills. 198 p. Available at: [er84-the-future-of-work-evidence-report.pdf](https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/284444/er84-the-future-of-work-evidence-report.pdf) (accessed 08.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Владимировна Филипповская – кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет». Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: ftatyana@mail.ru

Filippovskaya T.V.

DIMENSIONLESS EXPANSION OF DISTANCE LEARNING: WHO BENEFITS FROM HASTE?

Accelerated use of distance education at all levels of the system, initiated by anti-epidemic measures in 2020, has caused a contradictory response in the academic environment. Some researchers

predict the institutionalization of the higher education transformation to the level of mass online universities, and promote the economic benefits of reducing teachers' contact work. Others try to find out the limits of exclusion from the functionality of the "face-to-face" communication system between teachers and students. The discussions that are not always supported by the current sociological works are amplified, so they need to be consistently realized. The purpose of the article is to describe the negative effects caused by the expansion of online educational interaction and to offer the options for minimizing negative externalities. The method of literature review from the Scopus, Web of Science, RSCI and other databases was chosen as the leading one out of the materials and methods. To apply the methodology of analysis and synthesis, we used a comparative content analysis of publications in Russian and foreign periodicals specializing in the issues of academic rights and freedoms. Discussing the topic under consideration, the author continues studying various manifestations of conflicts of interest in education. The analysis result allowed making a number of assumptions, the main one being the thesis that the haste in scaling up the experience of education digitalization gained during the 2020 pandemic will cause irreparable socio-cultural trauma to the social institution. In the future, the author will expand the research base, justifying an individual approach to assessing the essence of moral economics and its immoral manifestations in the academic environment.

Education digitalization, online learning format, offline learning format, massification of university education, problems of distance learning.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Filippovskaya – Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State University of Economics". 62/45, 8 Marta / Narodnaya Volya Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: ftatyana@mail.ru